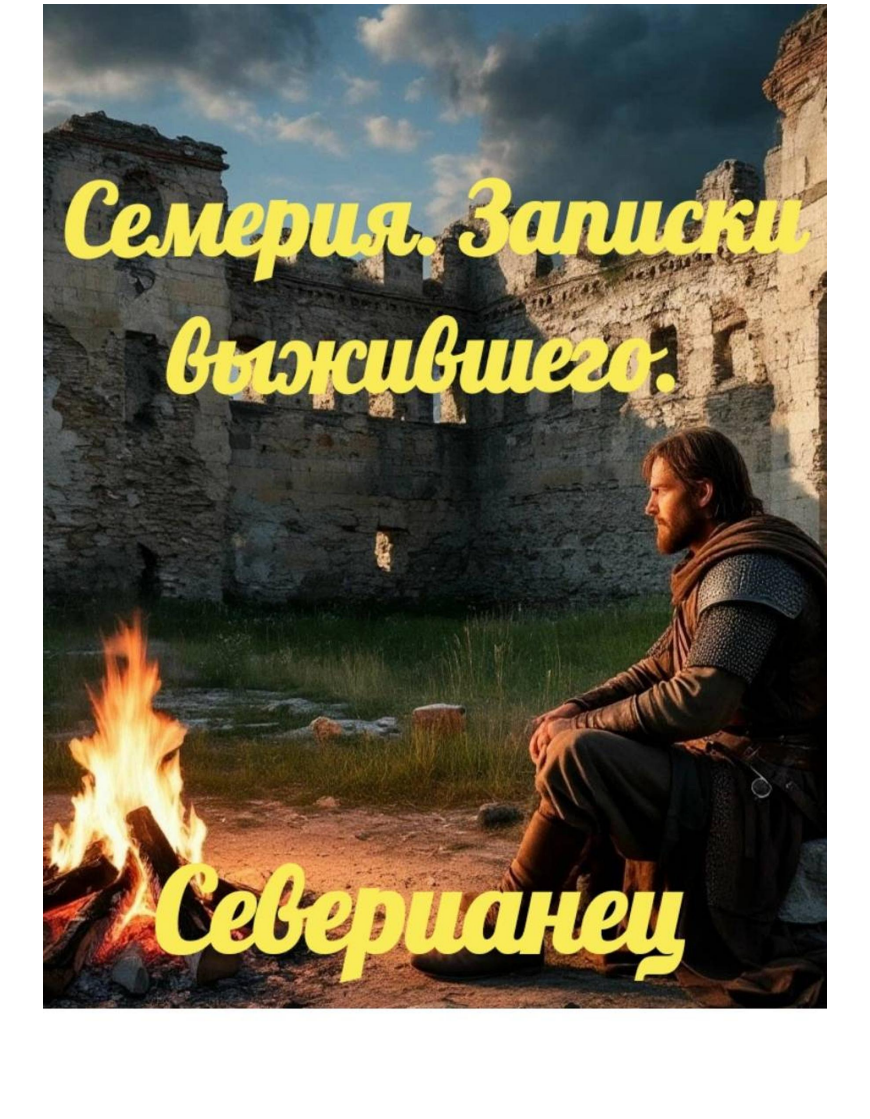

A man with a beard and long hair, wearing medieval-style armor and a cloak, is sitting on the ground. He is looking towards the left, where a campfire is burning brightly. In the background, there is a large, dilapidated stone building with many windows and arches, suggesting a castle or fortress. The sky is blue with some clouds. The overall scene is set in a grassy field.

*Семерия. Записки
выжившего.*

Северианец

Николай Ермаков
Семерия. Записки выжившего.
Серия «Семерия - остров
семи холмов.», книга 2

<https://litres.ru/73304423>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эти строки писались не чернилами. Памятью. Клеткой. Болью. Записки Агвида, последнего выжившего с заставы "Северное крыло", - не хроника катастрофы. Это судорожная попытка удержать в сознании тех, кого больше нет. Повторы - хо голосов, которые он все еще слышит. Рваные фразы - следы шагов, не пройденных вместе с друзьями.

Пролог был дверью. Вы вошли. Читайте не глазами - ощущением.

Почувствуйте, как память становится единственной реальностью.

Добро пожаловать в Семерию, где выжить - значит запомнить.

Содержание

Семерия. Записки выжившего. ЭПИГРАФ	5
Воспоминания.	9
Глава 1. Если я помню, значит я живу... Мир умер не в миг. День первый.	12
День второй. Щенок.	17
День третий. Следы.	22
День четвертый. Сон.	26
День четырнадцатый. Пещера.	31
День пятнадцатый. Сфера.	35
День двадцатый. Книга.	38
День двадцать второй. Видение.	43
Глава 2. Память - не то, что хранят. Память - то, что живет.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Ермаков

Семерия. Записки ВЫЖИВШЕГО.

Это не книга. Это порог.

Семерия - остров семи холмов - не принимает гостей. Она выбирает тех, кто готов отпустить привычные опоры: логику, уверенность, даже собственное "Я".

Агвид - последний, пишет записки не для потомков - чтобы не "раствориться" в мире, где вода течет вверх, а слова звучат до мысли.

Каждая строка - шаг по тонкой грани между забвением и бытием.

Каждая глава - испытание веры.

Если вы готовы:

забыть "как должно быть";

увидеть - поверив;

услышать шепот камней и ветер, несущий забытые имена, - тогда Семерия откроет вам свои тайны.

Добро пожаловать на порог. Шаг вперед - и вы уже не тот, кто вошел.

Семерия. Записки выжившего. ЭПИГРАФ

"Забудь обо всём, доверься биению сердца. Лишь тому откроется дверь, кто готов: увидеть её — поверив в неё, как верят в шёпот трещин в развалинах заставы".

Ты думаешь, ты читаешь эти строки?

Нет.

Это строки читают тебя.

Они просачиваются сквозь зрачки, как дым. Они оседают на языке - привкус железа, будто ты лизнул лезвие. Ты хочешь моргнуть, но веки движутся не в ту сторону.

Ты уже здесь.

Даже если еще не понял. Ты ступил на границу Семерии - туда, где:

время не течет, а сворачивается в кольца, как змея, кусающая свой хвост;

эхо забытых слов звучит до того, как их произнесли;

тени длиннее тех, кто их отбрасывает.

Не ищи логики. Ее здесь нет. Есть только ощущение края.

Я - Агвид

Но не тот, кого ты видишь, а тот, кого ты можешь почувствовать, если перестанешь смотреть.

Мой статус - хранитель. Но не времени. Не памяти. Я храню паузы между словами. Промежутки между вдохами. Трещины в реальности.

Мой дом - застава "Северное крыло". Она стоит до острова и после океана. Ты не найдешь ее на карте, потому что карта - это уже не она.

Я ждал тебя.

Не потому, что должен, а потому, что ветер сказал твое имя до того, как ты его произнес.

Чувствуешь?

Это не ветер.

Это - дыхание Семерии.

Оно проникает под кожу., как иголки. Оно оставляет следы, которые не смыть.

Оно несет:

запах океана, где солнце еще не коснулось горизонта, но волны уже шумят;

звук песка, который смывает следы до того, как ты их оставил;

привкус металла - это вкус того, что не должно быть.

Запомни этот миг.

Именно он станет твоим ключом. Но ключ не откроет дверь. Он станет дверью.

Слушай внимательно:

Не пытайся понять.

Понимание - это якорь отсюда. Здесь нужна не голова, а

ощущение края. Прими нестыковки. Если тень длиннее тела
- это не тень. Это след другого тебя.

Дыши наоборот.

Вдохни ночь, выдохни рассвет. Так здесь ходят.

Ты уже видишь?

Нет, не глазами.

А тем, что за ними.

Вот оно:

часы, которые тикают раньше, чем ты их заводишь;

вода, что течет вверх, оставляя следы на потолке;

голос, который ты слышишь до того, как он прозвучал.

Это не бред.

Это - язык Семерии.

Она говорит с тобой через:

паузы, в которых прячется смысл;

тени, что тянутся к свету, а не от него;

звуки, меняющие вкус воздуха.

Запомни:

"Увидеть - поверив" не значит "сначала поверил, потом
увидел".

Это значит:

"Поверить - значит увидеть".

Здесь нет последовательности. Есть одновременность.

Ты уже внутри.

Даже если твои глаза открыты.

Даже если ты думаешь, что это просто слова.

Семерия - это не место.

Это состояние, когда абсурд становится реальностью.

Сделай вдох.

Теперь выдохни раньше, чем вдохнул.

Чувствуешь?

Время цветет, как лотос на поверхности воды.

Запах рассвета проникает в кровь.

Ты говоришь "я здесь№, но слово звучит до мысли.

Это - вход.

И ты уже прошел его.

Даже если не заметил.

Воспоминания.

Говорят, у воды есть память. Она не забывает ни прикосновения ветра, ни шепота листьев, ни крика птицы над волной. Каждая капля - архив, свиток, зеркало.

Вот дождь идет над Семерией.

Первая капля падает на лист жасмина. Она видит:
как утром старушка поливая цветы и улыбаясь, вспоминает дочь;

как ветер качнул ветку, и на листе осталась роса - крошечное отражение неба;

как бабочка села на край листа, задрожав крыльями, будто читала тайное послание в жилках листа.

Капля впитывает все.

Теперь она - часть истории жасмина. Вторая капля бьется о шпиль крепости. И перед ней раскрывается город;

узкие улочки, где дети гоняют обручи;

площадь, где торгуют пряностями и старыми книгами;

фонтан с лучезарно-серебряной водой, в котором отражается башня с часами, остановившимися сто лет назад. Капля запоминает. Она унесет этот образ в подземные ключи, в речные изгибы, в туман над озером.

Здесь все дышит Семерией.

Деревья стоят в огромных зеленых кронах - не просто листва, а живые своды, под которыми прячется целый мир.

Они шелестят не на ветру, а сами по себе - будто переговариваются, хранят секреты, повторяют забытые молитвы. В их тени даже полдень кажется сумрачным, а шаги - тише.

Через улочки городка течет речка. Не бежит, не бурлит - просачивается, как мысль сквозь сон. Водане прозрачная, а с легким серебристым отливом, будто в ней растворили лунные лучи. Она огибает дома, касается каменных ступеней, шепчет что-то на языке, которого никто уже не помнит.

Я иду вдоль берега и вижу:

в воде мелькают отражения, которых нет наверху - лица, флаги, здания, что давно разрушены;

на камнях растет мох, светящийся в сумерках, как крошечные звезды;

у моста сидит старик, но когда я оборачиваюсь - его уже нет, только рябь на воде. Все здесь - память.

Каждый камень помнит прикосновение руки.

Каждая капля знает имя того, кто пил из нее.

Каждый лист хранит эхо смеха, который звучал под этим небом сто лет назад.

Я отпускаю ладонь в воду.

Она не холодная и не теплая.

Она узнает.

И вдруг - вспышка:

девочка бежит по мосту, ее волосы развеваются на ветру; на площади смеются торговцы, звенят монеты;

над городом плывет запах жареных орехов и морской со-

ли.

Начало.

Это не мое воспоминание.

Это - дыхание Семерии.

Оно проникает в меня, как вода в песок.

Я закрываю глаза.

Теперь я - часть ее памяти.

Глава 1. Если я помню, значит я живу... Мир умер не в миг. День первый.

День 1-й после катастрофы. .

День 14-й, месяц Илтарь, год 3156.

"...И грянул огонь с небес".

Я пишу это не пером.

Не чернилами.

Я пишу памятью.

Каждой клеткой, которая еще помнит, как быть живой.

Утро начиналось как всегда - в этом и была его ложь.

Ветер окрасил волны в золото, но оттенок был... не тем.

Как будто кто-то скопировал свет, забыв добавить душу.

В казармах заставы смеялись над шуткой Мирослава - но смех звучал эхом до того, как прозвучал. Я уловил это краем сознания: будто мы уже прожили этот момент, а теперь смотрим повтор.

Никто не заметил.

Даже я не придавал значения.

Так бывает перед концом:

мир подает знаки, но мы не хотим их читать.

Потом небо...

Оно потемнело.

Оно опустело.

Сначала - точка.

Крошечная.

Как трещина в зеркале реальности.

Но она росла не в размерах - а в смысле.

Каждое мгновение она становилась больше, чем могла быть.

Астероид не падал.

Он вытеснял небо, как чужеродная ткань вытесняет живую.

Грохот. Но не звук. А отсутствие звука.

Тишина, которая бьет по нервам, как электрический ток.

Свет. Но не освещение. А выжигание реальности.

Каждый луч - как скальпель, разрезающий мир на фрагменты.

Боль. Но не телесная. А память о том, что было целым.

Как будто душа кричала от разрыва, которого тело еще не осознало.

Когда я очнулся, мир стал... другим.

Океан не отступил - он испарился в прошлое.

Его след остался на песке:

не вода, а тень воды, как отпечаток пальца на стекле.

Стены не рухнули - они рассыпались в будущее, как песок сквозь пальцы.

Камни лежали не на земле - а между временами.

Друзья...

Они умерли.

Они перешли.

Их тела - лишь оболочки, оставленные на пороге.

Беримир все еще сжимал стрелу, будто хотел допеть песню, которую оборвали на полуслове.

Агей лежал лицом вниз, рука вытянута - как будто пытаюсь схватиться за что-то невидимое.

Мирослав, мой заместитель и лучший друг, улыбался. Да же мертвый.

Я - Агвид.

Командир дозорного караула.

Последний.

Или первый?

Кто я теперь: свидетель конца или начала чего-то нового?

Сейчас я сижу в уцелевших казематах.

Пишу на обрывках карт Семерии.

Чернила - смесь сажи и дождевой воды.

Не знаю, для кого это.

Возможно, для тебя.

Для того, кто уже здесь, но еще не понял.

Я пишу не для истории.

История больше не течет.

Она распадается на осколки.

Я пишу, чтобы не забыть:

как пахла морская трава на рассвете (не запах, а ощущение "дома");

как Агей ворчал, проверял дозоры (не слова, а ритм безопасности);

Как Беримир чинил арбалет, мурлыча песню (не мелодия, а тепло, которое не вернется);

как Мирослав говорил: "Когда-нибудь мы все вместе уйдем к южным пляжам..." (не обещание, а след, который остался в воздухе).

Они ушли.

Я остался.

Но где - здесь?

Посмотри на строку ниже.

Читай трижды.

"Мир умер не в миг. Он умирал долго. А я... Я просто пытаюсь дожить до конца".

Это не метафора.

Это - факт Семерии.

Здесь все умирает медленно.

И все живет вечно.

Одновременно.

Я поднимаю голову.

На стене - трещина.

Не от удара.

Она растет.

Каждый час - на ширину пальца.

Из нее сочится что-то прозрачное, как застывший воздух.

Когда подносишь руку близко, оно тянется к коже.

Шепчет:

"Ты еще не понял. Ты уже там".

Что это - дверь? Рана? Или глаз, который смотрит на меня изнутри?

Не знаю?

Но я чувствую:

Трещина - это не разрушение.

Это пробуждение.

И если я войду в нее... Кто выйдет обратно?

Агвид, день 14-й, месяц Илтарь, год 3156.

День второй. Щенок.

День 2-й после катастрофы, год 3156.

День 15-й, месяц Илтарь, год 3156.

Проснулся от холода - пронзительного, будто тысячи ледяных игл впиваются сквозь рваную одежду.

Сначала не понял, где я.

Темнота. Тишина. Потом - запах: зола, сырость, тлен.

Открыл глаза. Серая мгла заполняет всё. Не небо, не стены - только пепельная взвесь, в которой тонут очертания руин.

Пошевелился - и тут же ощутил это:

холод пробирает до костей;

пальцы не гнутся;

дыхание вырывается клочьями пара, будто сам воздух пытается застыть.

Костер погас. Только седые угли, еще хранящие призрачное тепло. Я потянулся к ним, прижал ладони - но огонь мертв.

Даже искры нет. Только пепел, который тут же прилипает к коже, как сухая пыль.

Подумал: «Надо встать».

Но тело не хочет слушаться. Холод сковал мышцы, будто оковами. Наконец заставил себя подняться. Каждый сустав

хрустит, будто заржавел за ночь.

Огляделся. Всё уничтожено.

Стены заставы - черные остовы, похожие на обглоданные кости. Вдали тлеют остатки построек, поднимая в воздух рваные клочья пепла. Время от времени - треск. Балки ломаются, как сухие сучья.

В животе - пусто. Только ноющая боль, напоминающая о том, что я еще жив. Дыхание рвется из груди, как будто легкие сами сопротивляются этому воздуху - густому, тяжело-му, пропитанному золой.

«Вставай. Двигайся. Иначе замерзнешь».

Сделал шаг. Пол под ногами - холодный камень, пробирающий даже сквозь изношенные сапоги. Еще шаг. Еще.

Брел, не выбирая пути. Ноги сами несли мимо развалин, мимо обломков, мимо теней, которые, кажется, шевелятся в пепельной мгле.

Поднял ржавый нож - кончик обломан. Миску - глина треснула вдоль края. Лоскут ткани - пахнет дымом, прогорелым, вьевшимся в волокна. Каждый предмет - как осколок прежней жизни.

Потом - лестница. Вниз. В темную пасть казематов.

Ступени крошатся под сапогами. Одна с треском уходит вниз. Я цепляюсь за стену. Сырость. Плесень. Где-то капает - раз в пять ударов сердца.

Первый сохран - руины. Камни, щепа, пыль висит в воздухе, как туман.

Второй - завал. Многотонный. Не пройти. Не пролезть.
Третий... Дверь скрипит. Не то стон, не то вздох.
Внутри полумрак. Факел дрогнул. Тени рваные, живые.
И - движение.

Сначала подумал: игра света. Потом - звук. Тихий. Скулеж. Как шепот.

Щенок.

Он прижался к полке. Глаза - два темных озера страха.
Шерсть спутанная, в пыли. Но дышит. Дышит!

Я опустился на колени. Руки сами потянулись к нему. Он дрожал. Я провел ладонью по боку - шерсть колется, как сухая трава. Но под ней - тепло. Пульсирующее. Живое.

- Как ты здесь? - шепчу я.

Голос прозвучал чуждо. Будто не мой. Он лизнул пальцы.
Теплый. Настоящий.

В груди что-то треснуло. Не слезы - лед. Тот самый лед, который сковал меня вчера. Когда дома рушились. Когда я искал и не находил ни одной живой души.

Теперь он здесь. Дрожит. Прижимается. Нос уткнулся в мою одежду - ищет тепло. Или защиту.

А я... «Смогу ли защитить? Если он погибнет... Если я не справлюсь...»

Мысли - как острые осколки. Но я сжимаю пальцы.

- Пойдем. Здесь тебе не место, - говорю. Голос уже не дрожит.

Факел мерцает. Но свет теперь кажется другим. Не туск-

лым. Не мертвым.

Я оборачиваюсь на выход. Дорога завалена обломками ворот. Но она ведет - просто вперед, сквозь пепел, потому что стоять на месте страшнее.

Я не знаю, что ждет за поворотом. Не знаю, есть ли там вода, укрытие или хотя бы небольшое укрытие. Но если остановиться - холод доберется до сердца. А пока щенок прижимается к груди, я должен идти. Сделать шаг. Второй. Ноги ватные, будто не мои. В груди - тяжесть, которую не сдвинуть.

И вдруг - спазм.

Не вздох, не всхлип. Что-то рванулось изнутри, как если бы тело само решило выплакать то, что я не пускал в сознание.

Слезы пришли не из глаз - из костей. Из пальцев, которые не гнулись от холода. Из горла, сжатого, как тисками. Они текли молча, без звука, просто теплая струйка по щеке, а потом еще одна, и еще.

Я даже не понял, что плачу. Просто стоял. Держал щенка. А слезы капали на его шерсть - и он вздрогнул, будто почувствовал.

«Всё», - подумал я. Не «Все кончено», а именно «все».

Нет больше дома, нет заставы «Орлиное гнездо». Нет голосов. Нет смеха. Нет даже эха. Только пепел. Только холод. Только я и этот комочек тепла, который дрожит у меня в руках.

Вспоминаю:

как Агей учил меня чинить сети: «Смотри, вот так, чтобы узел не развязался;

как Беремир смеялся, когда мы спорили о старых картах: «Ты всегда видишь только север, а я - все пути;

как Мирослав приносил в кармане горсть сушеных ягод и делил на троих: «На, подкрепись. А то ты худой, как жердь».

Теперь - тишина.

Тишина, которая съедает воспоминания.

Слезы текут. Я не сдерживаю их. Потому что если я не дам им выйти, они разорвут меня изнутри. Они капают на щенка. Он лижет мне подбородок. Теплый. Влажный. Живой.

И тогда я понял:

Эти слезы - не слабость. Это последняя граница между мной и пустотой. Если они текут, я еще чувствую. Если чувствую, я еще жив.

Вытер лицо рукавом. Шершавый, прокопченный дымной гарью. Слезы смешались с пеплом, оставили на ткани темные разводы.

- Пойдем, - прошептал я. Голос дрогнул, но не сломался.
- Пойдем.

Потому что если я остановлюсь здесь, все. А пока он дышит у меня на руках, пока слезы капают на его шерсть, пока я чувствую этот холод и эту боль, я еще здесь.

Пока я плачу, я еще человек.

Агвид. День 15-й, месяц Илтарь. Год 3156.

День третий. Следы.

День 3-й после катастрофы.

День 16-й, месяц Илтарь, год 3156.

Кругом грязь вперемешку со снегом, обломки стен, торчащие балки. Небо — серое полотно, а черные тучи летят, словно разорванные лохмотья. Холод пробирает до костей. Я перетаскиваю остатки провианта и воды из сохранившегося в чудом уцелевший оружейный. Мешки тяжелые, руки дрожат, спина горит от напряжения. Каждый шаг — борьба с ветром и собственной усталостью.

И вдруг я замер.

Среди промерзшей грязи — следы. Еле заметные, но явные. Цепочка вмятин, ведущая через развалины к воротам, к старой дороге. На юг.

Сердце забилося чаще — барабанная дробь в груди. Мурашки пробежали по коже, холодок скользнул вдоль позвоночника. Дыхание сбилось, будто воздух стал густым, тяжелым.

Я пригляделся. Следы... не лошадиные. Шаг слишком ровный, расстояние между следами — как по линейке. Китоврас?

Одна мысль об этом — и пульс участился еще сильнее. В груди возникла тупая боль. Китоврас. В голове вихрь во-

просов:

Почему прошел мимо? Он точно чувствовал запах дыма от костра — почему не остановился?

И тут — звон. Еле слышный, будто отдаленный колокол. Донесся с юга, как раз с той стороны, куда вели следы.

Не думая ни о чем, я побежал. Бежал на звук, забыв обо всем. Ветер бил в лицо, снег слепил глаза. Начиналась метель — следы уже замело. Звук пропал, растворился в завывании ветра. Но я продолжал бежать, надеясь успеть догнать.

Стоп.

Я остановился. Огляделся. И в этот момент мысль, как молния.

Щенок. Его не было рядом.

Паника сжала горло. Где я? Куда бежал? Где юг, где север, где застава?

Снег хлестал по лицу и глазам, слепил, заставлял щуриться. Холод сковывал тело. Я заблудился.

Плелся вперед, полагаясь на интуицию. Ноги еле передвигались. Ругал себя последними словами — как я мог оставить, бросить его одного?

Снова огляделся. Кругом — белая пелена. Дальше вытянутой руки — ничего.

Ни души. Ни звука.

Я закричал изо всех сил:

— Эй! Я здесь! Кто-нибудь!

В ответ — только вой ветра.

В голове стучало: «Ты забыл про него. Теперь ты один. Ты остался совсем один. Никто не придет, не поможет, не спасет».

Я упал на колени. Лицо мокрое от слез. И в этот момент я закричал, закричал изо всех сил. Кричал — просто кричал, без слов, без смысла.

И в этот момент услышал. Лай. Вой. Слабый, еле уловимый.

Я встал, не веря сам себе, и пошел на звук. Сквозь снежную завесу. И в этот момент сквозь снежную пелену я смог разглядеть силуэт. Он приближался. Сначала показалось — призрак. Но нет. Он становился всё чётче. Ближе. Его шерсть... светилась. Серебристое сияние, едва заметное, но настоящее. Как лунная дорожка на воде.

Это он. Мой щенок.

Он нашел меня. Спас меня.

Прыгая от радости, не думая о том, что я забыл его. Вилял хвостом, пытался лизать мое заснеженное лицо. Теплый. Мокрый. Живой.

Вернулись к руинам заставы, когда уже стемнело. Я развел костер. Сидя возле костра, я держал щенка на руках. Он прижался ко мне, дыша ровно. Его тепло проникало в кости, в самое сердце.

Я смотрел на пламя. На его шерсть, светящуюся в отблесках огня, и думал, какое имя ему дать. Рэкс — это имя един-

ственное, которого он достоин.

Я не один.

Пока рядом со мной Рэкс — я не один.

Агвид, 16-й день, месяц Илтарь, год 3156.

(Приписка карандашом на краю листа).

Его шерсть светится, как вода в Серебрянной реке возле Тихого леса. Я не знаю, почему. Но этот свет. Настоящий свет. И пока он светится — мы выживем.

День четвертый. Сон.

День 4-й после катастрофы.

День 17-й, месяц Илтарь, год 3156.

Оружейный сохранился в полуразрушенных казематах устоял, словно заколдованный. Вокруг лишь груды битого камня и ржавые обломки былой мощи заставы. Воздух здесь вязкий, насыщенный гарью, сыростью и металлическим привкусом.

Еще чем-то неуловимым, будто тени погибших до сих пор скользят между стеллажами, шепча забытые слова.

Кругом обломки. Кирпичи, доски, осколки стекла, сверкающие в свете факелов, словно чьи-то застывшие слезы. Стены дрожат от ветра, а где-то в глубине каземата воет метель — то протяжно, как стая волков, то вдруг тонко, жалобно, словно ребенок, потерявшийся во тьме.

Здесь темно, если не считать неровного, дрожащего света факелов на стенах да костра, что горит посреди сохрана. В неровном свете факелов тени от копий и арбалетов оживают: изгибаются, дрожат, принимают причудливые формы. То покажется силуэт многорукого стража, застывшего в вечном дозоре, то — горбатое создание с огромными, словно выточенными из лунного света глазами, таящиеся в углу. Порой тени сливаются в единое шевелящееся пятно, будто пробуждая древнее существо, спящее в камне стен.

Возле костра тепло, даже как-то уютно. Воздух возле него чуть суше, пахнет дымом и разогретым камнем. Время от времени сквозняк шевелит пламя, и оно вспыхивает ярче, разгоняя тени в дальних углах.

Рядом, свернувшись калачиком, дремлет Рэкс. Дышит ровно, будто и не чувствует этого безумия вокруг. Иногда вздрагивает во сне, тихо скулит — и я невольно прислушиваюсь, гадая: что ему снится в этом разрушенном мире?

На ящике со стрелами разложил то, что осталось от моей карты Семерии, — рваный кусок пергамента, испещренный полустертыми отметками.

Рядом компас и керосиновая лампа, ее пламя дрожит от сквозняков, то вспыхивая, то угасая, будто дышит вместе с метелью.

Лежу на самодельном лежаке — солома да обрывки какой-то ткани, найденной среди развалин.

Глаза слипаются, но сон не идет. Все а потом и вовсе в звон разбитого стекла. Я бегу за ним, но каждый раз, когда думаю о вчерашнем дне, о следах Китовраса, найденных среди замерзшей земли. Еле заметные, почти не видные, с раздвоенными копытами... Кто оставил их здесь? И куда пошел, почему не остановился, не дал о себе знать?

Метель воеет, и от этого звука мысли путаются. Не знаю, сколько я так пролежал, глядя в свод потолка оружейки, слушая вой ветра и пытаясь уловить хоть тень смысла в том, что происходит. Время здесь течет странно — то тянется, как

тягучий мед, то срывается в пропасть, оставляя лишь эхо.

А потом... сон.

Я снова в заснеженном поле, но что-то не так. Снег не белый — он отливает фиолетовым, как небо в «Час Искривления». Ветер бьёт в лицо, но вместо холода я чувствую... вкус соли. Или это слёзы?

Сквозь снежную пелену — силуэт. Китоврас. Но он не идёт — плывёт, не касаясь земли. Его очертания то расплываются, то снова становятся чёткими, будто кто-то стирает и рисует его заново.

Я кричу ему, зову, но мой голос тонет в ветре, превращаясь в шёпот, а потом и вовсе в звон разбитого стекла. Бегу за ним, но каждый раз, когда кажется, что вот-вот схвачу его за плечо, он растворяется в воздухе, а я оказываюсь в другом месте — то на краю обрыва, то посреди леса из искривленных деревьев, то снова на том же поле, но снег уже не фиолетовый, а... зеленый.

И вот он на вершине горы. Гора дрожит, трескается, и в тот миг, когда расщелина достигает небес, Китоврас едва успевает отшатнуться от края. Под его ногами каменная плита резко оседает — и вместе с обломками он срывается в зияющую бездну. В этот миг из его распахнувшейся сумки выскальзывает кристалл. Бледно-голубой, сияющий, он кружится в воздухе, словно замедлив падение, и устремляется прямо в сердце расколовшейся горы.

В момент касания кристалл не разбивается — он взрыва-

ется сиянием, рассыпаясь на семь лепестков, каждый из которых — крошечная копия горы.

Лепестки пульсируют, переливаясь призрачным светом. Они растут, вращаются, и с каждым оборотом их сияние становится ярче, а в воздухе возникает странный звук — не эхо, а звенящий гул, будто кто-то провел ногтем по краю хрустального бокала. Этот звук пронизывает меня насквозь, вибрирует в костях, зубах, в самом дыхании. Они превращаются в звенящую нить, тонкую и острую, как натянутая струна. Слова вырываются изо рта не обычным звуком, а серебристыми искрами, которые тут же подхватывает вихрь и уносит к лепесткам-горам.

Они впитывают эти искры, вспыхивают ярче — и вдруг начинают петь. Каждый лепесток издает свой тон:

один — низкий, вибрирующий, другой — высокий, почти невыносимый, третий — прерывистый, словно дыхание. Их звуки сливаются в странную мелодию, от которой пространство дрожит и искажается.

Я пытаюсь ухватиться за одну из гор, но она ускользает, а другая наваливается сверху. И в этот миг я понимаю: я не просто слышу эту музыку — я становлюсь ее частью. Мои мысли, страхи, воспоминания — все превращается в ноты, в ритм, в пульсацию этих вращающихся миров. Я парю, тону, растворяюсь... и вдруг — просыпаюсь резко, сердце колотится. Костер потрескивает, Рэкс приподнимает голову, смотрит на меня сонными глазами. В ушах еще звенит тот стран-

ный, стеклянный шепот ветра — или это отголосок той хрустальной мелодии?

Сон? Да. Но что-то внутри твердит: это не просто видение. Что-то в этом есть. Что-то важное.

Тишина. Только метель воеет где-то далеко, да пламя костра дрожит, отбрасывая на стены тени, которые кажутся... слишком осмысленными. Слишком похожими на следы.

Собираю вещи. Карту сворачиваю, компас кладу в сумку. Рэкс, почувствовав мое движение, встает и трется о ногу.

- Пойдешь со мной? - спрашиваю его тихо.

Он лишь виляет хвостом, и в этом движении - какая-то древняя, непостижимая уверенность.

Что ж. Значит, вдвоем.

Метель все воеет. Но теперь я знаю: она не остановит меня.

Я иду на юг. К Севербургу.

И пусть этот путь - как сон: странный, ломанный, абсурдный. Я дойду до его конца.

Агвид.

День 4-й после катастрофы.

День 17-й, месяц Илтарь, год 3156.

День четырнадцатый. Пещера.

День 14-й после катастрофы.

День 28-й, месяц Илтарь, год 3156.

Метель - это не снег. Это время, растерзанное на хлопья. Оно падает, царапает кожу, забивается в рот. Я глотаю мгновения, и они тают на языке - горькие, ледяные.

Ветер не дует. Он дышит. Его выдох - свистит в ушах, его вдох - пустота, где я исчезаю на миг, а потом снова собираю себя из осколков. Пальцы... пальцы ли это? Они дрожат, но не от холода. От памяти. Память помнит тело, которого больше нет.

Компас. Стрелка. Юг. Но юг - это не направление. Это звук. Низкий, вибрирующий, как гул под землей. Он пульсирует в камнях, в моих костях, в воздухе, который я вдыхаю и выдыхаю, и каждый выдох - это слово, которого я не знаю.

Я иду. Или меня несут. Или я уже не иду, а падаю вверх, сквозь время, сквозь собственные воспоминания, которые расползаются, как трещины на льду.

Не знаю, сколько дней я уже в пути. Дней девять, или десять? Или это одни и те же сутки, скрученные в спираль? Стена из тьмы. Гора. Откуда? Здесь всегда была равнина. Сегодня - эта громада, будто вынырнувшая из небытия. Но... была ли равнина? Может, гора всегда стояла здесь, а равнина - лишь сон, который я видел до пробуждения?

Нашел разлом. Щель. Протиснулся. Пещера. Укрытие? Нет. Это не укрытие. Это зеркало. Оно отражает то, чего нет: мое лицо, которого я не помню, мои руки, которые когда-то держали что-то важное, мой голос, который когда-то звучал.

Потрогал камень. Холодный. Шершавый. Настоящий? Или это я - не настоящий? Может, я лишь тень, отбрасываемая горой на метель? Может, ветер - это я, а я - это ветер, и мы оба - лишь движение, лишенное формы?

В воздухе пахнет сырым камнем, снегом и чем-то еще - металлом? озоном? Это запах забытых имен. Я вдыхаю его, и во рту остается привкус слов, которые я когда-то знал, но потерял.

Снаружи - вой метели. Здесь - треск моих зубов, редкое сопение щенка. Щенок. Рэкс. Он дышит. Язык высунут. Глаза блестят. Он не ждет кого-то Он знает. Знает то, что я забыл. Знает, что гора - это не препятствие, а дверь. Что метель - это не конец, а начало. Что юг - это не точка на карте, а состояние, в котором время становится жидким, а память - прозрачной.

Каждые пять минут проверяю сидор. Он дышит. Значит, я тоже дышу. Если я упаду, кто позаботится о нем? Эта мысль не заставляет стиснуть зубы. Она растворяется, как снег на ладони. Потому что не "Я". Нет "Он". Есть только дыхание, пульс, ритм, который совпадает с биением ветра, с шорохом снежинок, с тихим стуком сердца, которое бьется - или не бьется?

Похожу к разлому. Выглядываю. Метель бьет в лицо. Я держу взгляд, пока снег не застилавает все. Еще час - и я бы не нашел это место. Или... еще час - это место нашло меня?

Аккуратно вынимаю щенка из сидора. Согреваю ладонями. Он лижет мои пальцы. Это не ласка. Это проверка. Он проверяет, есть ли во мне еще что-то, кроме холода и усталости. И я чувствую: есть. Что-то крошечное, дрожащее, как пламя спички.

Позаю по пещере. Нашупываю сухие ветки, мох. Пальцы цепляются за камни. Оставляют царапины. Боль? Нет. Это не боль. Это запись. Я пишу себя заново на этих стенах, этими царапинами, этим пульсом, этим словом, которого нет.

Спички ломаются. Руки дрожат. На третьей попытке пламя вспыхивает - крошечное, дрожащее. Наклоняюсь к нему. Шепчу:

- Не гасни. Только не гасни.

Пламя мерцает. Оно не отвечает. Оно становится. Становится светом, становится тенью, становится формой, которая вот-вот обретет имя.

Я не спасен. Я не ищу спасения. Я - процесс. Процесс движения, процесса движения, процесса памяти, которая течет, как река, и каждый миг - это новый берег, новая вода, новое начало.

Огонь греет. Рэкс дышит. Стрелка компаса дрожит, но держит юг. Этого достаточно. Пока достаточно.

Но завтра... завтра я войду в темноту. Вглубь пещеры.

Вглубь себя. Туда, где тени сгущаются, как вода в колодце. Туда, где нет слов. Туда, где я перестану быть "Я" и стану чем-то большим.

Глаза слипаются. Усталость наваливается, словно тяжелый плащ. Рэкс свернулся калачиком рядом. Его тело пробивается сквозь одежду. Тихое дыхание смешивается с потрескиванием огня. Сон подкрадывается. Он не обещает отдых. Он обещает превращение.

Перед тем, как погрузиться в него, шепчу в темноту:
- Я должен идти. На юг. В Севербург. Возможно, там есть выжившие. А возможно, мы уже там.

Агвид. (В пещере).

День ?, месяц Илтарь?, год 3156.

День пятнадцатый. Сфера.

День 15-й после катастрофы.

День 29-й, месяц Илтарь, год 3156.

Холод пробирает до костей. Пальцы не гнутся – будто чужие, окоченевшие. Костер почти погас: лишь угольки тлеют, бросая на стены пещеры дрожащие, изломанные тени. Серая пелена у входа... Не понять, день или ночь.

Щенка рядом нет.

Пытаюсь позвать его, но губы не слушаются. Слезы катятся по замерзшим щекам. Горячие. Странно. Все вокруг ледяное, а слезы – горячие.

Сижу, глядя на тлеющие угли в уже прогоревшем костре. Мысли сами приходят в голову: «Ну вот, Агвид, приближается твой последний час...»

Смотрю на свод пещеры – и... Мирослав? Или это сон? Он садится напротив меня – так же, как тогда, у костра на заставе. Я слышу его голос – или мне все это снится?

Он говорит со мной:

– Не волнуйся. Скоро все закончится. Ты выживешь. Это не конец, это лишь начало...

В этот самый момент меня будто куда-то уносит невидимый поток – с огромной скоростью. Я лечу, словно птица. Подо мной – зеленые луга и леса, кристальные озера, извилистые реки, высокие горы, на вершинах которых возносятся

ся белокаменные храмы. Небо надо мной – голубое, почти прозрачное.

Я знаю эти места. Подо мной будто Семерия – до падения астероида.

И вдруг все вокруг потемнело. Все стало рушиться, гореть...

Семерия, которую я знал, начала делиться на части. И вот это уже не Семерия, а семь островов – они встали в круг. В самом центре, из морских глубин, поднялся архипелаг. Его форма необычна – похожа на звезду с семью лучами, каждый из которых сияет ярче солнца.

В центре архипелага вознеслась гора с храмом. В середине храма сиял необычный кристалл – он был похож на тетраэдр. Этот кристалл будто наполнял силой семь других, расположенных вокруг...

И в этот миг меня резко потянуло назад – в пещеру.

Слова тонут в шуме в ушах.

Тепло на шее. Рэкс! Он лижет кожу, укладывается рядом. Его морда лежит у меня на ногах. Дышит. Я чувствую его дыхание – горячее. Как жизнь.

И тут. Он вскакивает, озирается – и срывается в глубь пещеры.

– Рэкс... ко мне....

Ползу за ним. Пальцы в земле. Натыкаюсь на что-то гладкое, холодное – как лед. Отряхиваю – сфера размером с ладонь. Молочно-голубая. Внутри... свет?

Держу ее в ладонях. Она теплеет – или это я наконец чувствую пальцы?

И не знаю как, но знаю: путь лежит на юг. В Севербург. Там есть выжившие. Такие же, как я и Рэкс.

Рэкс смотрит на меня. Язык высунул. Будто улыбается?

Агвид. (В пещере)

День ?, месяц Илтарь?, год 3156.

День двадцатый. Книга.

День 20-й после катастрофы.

День 4-й, месяц Велемор, год 3156.

Сколько я здесь? Два или три дня? Метель снаружи не прекращается ни на минуту, вход в пещеру почти занесло снегом. В этом каменном мешке, время будто остановилось. С каждым мгновением вход в пещеру, в этот каменный мешок, становится все меньше и меньше.

Странно, мне становится все теплее...

Откуда это тепло? От костра или, может... Нет, этого точно не может быть - или я начал сходить с ума? Как может сфера, которая помещается в ладони, выделять столько тепла? Хотя... Кажется, это было вчера. Да, точно вчера. Я взял ее в свои окоченелые от холода руки и почувствовал... Сперва легкое покалывание, как небольшой электрический разряд, потом - тепло. Оно шло от самых кончиков пальцев, поднимаясь и разливаясь по всему телу. Интересно, Рэкс чувствует то же самое, что и я - это тепло, разливающееся по всему телу?

Он лежит возле костра. Кажется его глаза блестят, но это не отражение костра - его глаза отражают мерцающий свет сферы. Он не спит, просто смотрит. Смотрит не на меня, не на огонь, а в пустоту, где тени от костра складываются в странные, почти осмысленные узоры.

Я снова смотрю на эту сферу. В ее глубине что-то движется, но не блики, не отсветы - а будто образы. Мимолетные, ускоряющие: горные хребты, перевернутые вверх корнями деревья, города из черного стекла... Я моргаю - и они исчезают.

Внезапно кристалл будто начал пульсировать, и в этот же миг стены пещеры словно начали дышать. Да, именно так - они едва заметно сжимаются и расширяются, словно каменная грудь спящего великана. Между камнями проступают символы - древние, незнакомые, светящиеся тусклым, холодным светом. Они складываются в линии, ведут в глубь пещеры.

Рэкс вдруг резко вскочил, его шерсть задыбилась, он начал скалиться на то, чего я не увидел. Я пошел в глубь пещеры, следуя за узорами символов, и вдруг, я оказался в просторном гроте, в центре которого, будто на каменном пьедестале, лежала книга. Откуда она взялась, в горе, которой не должно быть там, где она сейчас стоит, но она стоит и книга, которую я сейчас держу в своих руках, она реальна, она есть. Эта книга, она настолько древняя, что те символы и текст, которые в ней изображены, я никогда прежде не встречал.

Ее переплет, он не из кожи и даже не из дерева - он похож на спрессованный мрак, на застывшую тьму, которая поглощает свет. Но при этом от нее исходит холодное сияние, как от лунного камня.

В центре обложки - изображена семиконечная звезда, но не

вырезанная, она словно вплавлена в материал. У основания каждого луча - маленькие сферы, они выглядят почти также, как ита, которую я нашел здесь, в пещере. Эти кристаллы, они не просто блестят - они пульсируют в такт с моим кристаллом, и в их глубине мерцают крошечные, призрачные созвездия. Но самое интересное то, что в центре звезды, зияла фигура похожая на треугольник.

Я протянул руку и в этот момент, когда пальцы каснулись переплета, мир будто задрожал. На миг все вокруг стало прозрачным: я увидел сквозь стены пещеры, сквозь метель, сквозь саму землю - до самых глубин, где в темноте пульсируют такие же звезды, как на обложке.

А потом - тишина.

Теперь, я держу ее в своих руках, тяжелую, объемную. Я не помню, как поднял ее, как нес ее сюда к костру. Еестраницы, они не из пергамента - они похожи на тонкие пластины льда, покрытые мерцающими рунами. Руны шевелятся, перестраиваются, складываются в незнакомые знаки. Я пытаюсь разглядеть их, пытаюсь уловить хоть что-то знакомое, но язык этот чужд и древен - он не похож ни на один из тех, которые мне знакомы. Вместо слов я слышу низкую, вибрирующую ноту, похожую на звон туго натянутой струны. Она возникает внутри моей головы, заставляя зубы ныть, а кости - дрожать в унисон.

С каждым тактом этой странной мелодии руны вспыхивают ярче... и вдруг - картина. Не на странице, а перед глазами,

как видение:

Астероид. Тот самый, что упал несколько дней назад на Семерию. Я узнаю его мгновенно - огненный шар, расколовший небо надвое. Я видел его тогда, своими глазами: как он падал сквозь тучи, оставляя за собой след из пламени и дыма, как горы вздымались волнами, как города рассыпались в пыль под его ударом. Но теперь я вижу больше. Гораздо больше.

Видение расширяется. Я вижу, как ударная волна раскалывает Семерию - не просто землю, а саму ее суть. Континент трескается. Океаны вскипают и уходят в трещины. Небо темнеет от пепла, закрывающего солнце. А в центре этого безумия - огромная воронка, из которой сочится что-то необычное, сияющее, словно сам свет бытия освещает суть мира. И этот свет пытается наполнить отблески семиконечной звезды. В этот момент все резко исчезло, словно сон. И наступила тишина.

Я начал задыхаться, хватая ртом воздух. Рэкс начал прижиматься ко мне, дрожа всем телом. Теперь я понимаю. Это не воспоминание. Это было как предупреждение, как пророчество, о котором никто не знал.

Книга помнит и знает все, что было и того что еще не случилось. Она показывает то, что никто не мог увидеть тогда, в хаосе катастрофы: Семерия расколота. Не просто разрушена - она изменилась. Что-то вышло из под земли, из самой воронки, и теперь мир дышит по-другому.

Сфера, кристалл, в моей ладони пульсирует в такт с этим знанием. И я вдруг стал понимать, что это не конец - это начало, начало новой Семерии.

День двадцать второй. Видение.

День 22-й после катастрофы.

День 1-й, месяц Велемор, год 3156.

Вход в пещеру замело. Даже просвета не видно. Здесь стало настолько тихо, что я больше не слышу воя метели. Тишина давит на уши, как будто воздух стал густым, неподвижным. Ни сквозняка, ни эха, ни биения сердца. Я закрываю глаза. Здесь нет ничего, кроме меня и этой тяжести.

Запасы еды... Их осталось на несколько дней. Сколько мы протянем — неизвестно. Я должен идти дальше, на юг, к Севербургу. Возможно, мы с Рэксом доживаем последние дни, но эта сфера и книга... Я должен разгадать их секреты.

Пока, возможно, я делаю последние записи. Руки дрожат. Чернила ложатся неровно — и вдруг я замечаю, что книга начинает мерцать, её узоры повторяются на поверхности сферы. Что это?

Они мерцают. Не глазами я это вижу — кожей. По спине пробегает волна тепла, будто кто-то провёл горячим пальцем вдоль позвоночника. Пульс в висках начинает биться в такт с этим мерцанием — тук... тук... тук, — как далёкий колокол.

Я подношу ладонь к сфере. Она не просто тёплая — она дышит. Ритмично, глубоко. И когда я касаюсь её, мир вокруг... дрожит.

Не стены дрожат — сама реальность. Как будто я стою на

краю чего-то огромного, и оно вдыхает, а потом выдыхает, и я качусь на этой волне.

Свет. Он не приходит извне. Он рождается внутри меня. В затылке, за глазами, в груди — вспыхивают точки, соединяются линиями. Я не вижу их — я чувствую, как они рисуют узоры под веками. И теперь я слышу это: низкий, вибрирующий гул, словно сама земля гудит на одной ноте.

Книга... Она больше не лежит рядом. Она пульсирует в моих руках, хотя я не держу её. Страницы шевелятся, но звук... Это не шелест бумаги. Это шёпот. Не слова — ощущения: холод, тепло, ожидание. И сквозь шёпот пробивается ритм — раз... два... три... раз... два... три, — как сердцебиение мира.

Она показывает мне...

Перерождение Семерии.

Не как воспоминание. Не как видение. Как переживание. Сначала — трещины.

Трещины обжигают пальцы. Они бегут по миру, как вены, наполненные тьмой. Каждая трещина — это разрыв: разрыв в памяти, в ритме, в самой ткани бытия. Я кричу — но звука нет. Только пульсация сферы, как удары сердца перед смертью.

Потом — взрыв. Не звук. Не свет. Отсутствие. Всё, что было — леса, реки, города — рассыпается на частицы. Я ощущаю, как распадаюсь вместе с ними. Кости дрожат, как стекло перед тем, как рассыпаться. Кровь стынет, превраща-

ясь в ледяные искры. Мысли тают, как дым. Я больше не Агвид. Я — точка перехода.

А затем...

Тишина.

Ничего. Ни звука, ни света, ни веса. Я — пустота, ожидающая формы. Даже пульс затих. Даже дыхание остановилось.

И из этой пустоты... рождение.

Нити света. Они сплетаются в узор — семиконечная звезда. Архипелаг. Острова. Они вырастают из тишины, как кристаллы из раствора. Я чувствую, как каждая грань их твердеет, как пульсирует энергия в их сердцевинах. И гул нарастает — теперь это не просто звук, а мелодия, сотканная из тысяч голосов.

Семерия не умирает, она перерождается.

И это — новый мир, новая Семерия.

Она дышит. Её ритм — это мой пульс. Её свет — это моё зрение. Но я не сердце этой системы. Я — частичка её потока. Искра в её дыхании. Эхо в её ритме.

Коридор. Он вспыхивает. Не резко — медленно, неотвратимо. Нити света обвивают запястья, мягко направляя. Воздух становится густым, как вода, и я плыву сквозь него. Моё дыхание сливается с дыханием сферы. Моё сердце — с ритмом архипелага. Я не иду — меня ведут.

Я растворяюсь в этом ритме. Мои пальцы становятся нитями света. Мои глаза — точками пульсации. Мои мысли — узорами, которые рисуют сами себя. Но не я управляю ими.

Я плыву в их течении. Я колеблюсь в их ритме. Я принадлежу им.

И в последний миг, перед тем как тьма сомкнулась вокруг, я увидел это: в одной из граней архипелага мелькнуло моё отражение. Но это был не я. Это был узор. Ритм. Часть целого.

И я понял:

К новому мирозданию? Это не просто артефакты. Это ключи. Но к чему?

Я — частица этого нового мира, сплетённая с ним в единый узор. И я... я — его дыхание. Его пульс. Его тихий отголосок.

Глава 2. Память - не то, что хранят. Память - то, что живет.

Год 5-й после катастрофы.

День 8-й, месяц Грозовик, год 3161.

Закат...

Я смотрю на него - без радости, без удивления и умиления... Просто смотрю и дышу. В голове одна лишь мысль:

"Еще дышу... Еще живой... А значит, их память жива, жива во мне".

Не сон. Не мираж. Все по-настоящему. Солнце садится спокойно, окрашивая воду в теплые, живые краски. Воздух... Он соленый, влажный, но не ледяной. Он обжигает легкие - но это приятное жжение, потому что оно означает: я чувствую. Я существую. Я помню.

Мир дышит. Как младенец, только что появившийся на свет из утро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.